

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

© В. Д. Рак

ОБРЫВКИ АВТОГРАФА ПУШКИНСКОЙ ПОЭМЫ «ВАДИМ»

В рабочей тетради Пушкина ПД 832 между л. 3 и 4 вырваны несколько листов, от которых остались корешки, получившие архивную нумерацию 3-а, 3-б, 3-в, 3-г, 3-д, 3-е. Еще в 1930-е годы, в процессе подготовки четвертого тома «Большого» академического «Полного собрания сочинений» А. С. Пушкина, С. М. Бонди определил по сохранившимся на них фрагментам слов, что здесь находился черновой автограф поэмы «Вадим». Свои наблюдения и выводы он изложил в отчете, представленном редакции этого издания:

«Черновая рукопись „Вадима” не сохранилась. От нее остались лишь обрывки на корешках вырванных листов в тетради ЛБ № 2366,¹ до сих пор не обращавшие на себя внимание и впервые изученные для академического издания. Орывки слов на корешках не дают целых вариантов, а частью не поддаются и расшифровке; поэтому они не введены в отдел вариантов и других редакций, а помещены и описаны в комментариях. Они показывают, что черновая рукопись содержала, по-видимому, все, что известно из текста „Вадима”,² включая и выброшенное в последней печатной редакции описание сна, и едва ли заключала продолжение текста, кроме известного в печати, — если же заключала то продолжение, о котором говорит А. Н. Муравьев в письме к М. П. Погодину (Литературное Наследство, № 16—18, стр. 696),³ то оно было на других вырванных листах той же рукописи, существование которых устанавливается по числу листов в тетрадках, из которых сброшюрована рукопись, но от которых не осталось и корешков. Те же обрывки черновой рукописи дают основание и для датировки набросков „Вадима” январем—февралем 1822 г., не позднее».⁴

Прочитанные, тщательно (можно не сомневаться) изученные, подготовленные к печати и уже набранные остатки черногого текста поэмы с объяснениями к ним постигла общая трагическая судьба ценнейшего комментария, охаянного и уничтоженного по распоряжению свыше.⁵ Неизвестно, сохранял ли С. М. Бонди эти материалы в своем архиве или они безвозвратно затерялись. Однако сведения об остатках черновой рукописи «Вадима» повторялись в пушкиноведческой литературе неоднократно вплоть до самого последнего времени. Сначала их напомнил сам

¹ Шифр, под которым тетрадь хранилась в Румянцевском музее и Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

² Список из архива кн. М. А. Урусова первой песни «Вадима» был найден в Смоленске позднее. Первая публикация извлечений из него состоялась уже после выхода т. 4 академического издания (см.: *Попова О. И.* Незданные стихи Пушкина из поэмы «Вадим» // Лит. газета. 1940. 7 ноября. № 55. С. 6).

³ Это продолжение содержится в списке из архива кн. М. А. Урусова.

⁴ *Бонди С. М.* Отчет о работе над IV томом // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 465. В предложенной датировке ученый исходил из того обстоятельства, что в тетради за вырванными листами, о которых идет речь, следует автограф «Песни о вещем Олеге» (л. 4—6 об.) с пометой в конце «1. март 1822».

⁵ «Четвертый том академического издания Пушкина (южные поэмы) приготовлен был к печати редактором-пушкинистом Бонди. На 15 листов пушкинского текста здесь приходится 60 листов комментариев. Сейчас производится сокращение комментариев, — конечно, опять-таки по набору» (*Лежнев И.* [Альтшулер И. Г.]. Каста пушкинистов // Большевицкая печать. 1936. № 10. С. 18).

С. М. Бонди, публикуя новонайденный в Смоленске список первой песни поэмы;⁶ затем эта информация была включена в дополнения к «Большому» академическому изданию с пояснением, что сами фрагменты редакция не сочла уместным публиковать без комментариев;⁷ позднее она вошла в «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина» в виде примечания Т. Г. Цявловской,⁸ где имя С. М. Бонди как первооткрывателя не было упомянуто. Последнее обстоятельство привело к тому, что современный исследователь поэмы ничтоже сумняшеся отдал приоритет Т. Г. Цявловской.⁹

Забываться начало не только, кто первым обнаружил в тетради ПД 832 остатки чернового автографа «Вадима», но, как ни странно это может показаться, само их в ней наличие. Изучая тетрадь в середине 1980-х годов, С. А. Фомичев упустил из виду сообщения об их существовании, трижды к тому времени опубликованные, и, не установив, какое произведение находилось на вырванных листах, ограничился замечанием: «По остаткам слов на корешках можно предполагать, что здесь был черновой автограф каких-то стихов».¹⁰ Через несколько лет в полнотном описании тетради ПД 832 он повторил свое утверждение, придав ему несколько большую определенность: «По остаткам слов на них (корешках. — В. Р.) можно предполагать, что здесь был черновик какого-то стихотворения».¹¹ К сожалению, без проверки, которая неизбежно привела бы к «Вадиму»,¹² составлялось на основе работы С. А. Фомичева полнотное описание тетради ПД 832, включенное во второй том нового академического «Полного собрания сочинений» А. С. Пушкина, где сказано более осторожно, что л. За-е представляют собою «корешки вырванных листов с остатками слов».¹³

Подобные промахи вряд ли были бы допущены, не останови в свое время чужеродный и враждебный подлинной науке указующий перст намечавшуюся публикацию с обстоятельным комментарием сохранившихся обрывков чернового автографа «Вадима». И пока этот пробел в пушкинской текстологии не будет запол-

⁶ Первая песнь поэмы «Вадим»: (по списку из архива кн. М. А. Урусова) / [Публ. и коммент.] С. Бонди // Пушкин — родоначальник новой русской литературы: Сб. науч.-исслед. работ / Под ред. Д. Д. Благого, В. Я. Кирпотина. М.; Л., 1941. С. 26. На этом этапе ученый отказывал списку в праве представлять основной текст поэмы, признавая его источником вариантов, аутентичность которых сомнения у него не вызывала (Там же. С. 28, 26).

⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. [Т. 17]: Справочный том: Дополнения и исправления; Указатели. С. 34. Здесь напечатан текст поэмы по списку из архива М. А. Урусова, который предложено считать основным (с. 33—38), в отмену ранее опубликованного в качестве такового (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 4. С. 139—142), но теперь причисленного к стихотворениям и переведенного в т. 2. Повторено: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 19 т.]. М.: Воскресенье, 1997. Т. 19 (информационно-справочный). 2-е изд., перераб. и доп. С. 40—47.

⁸ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, 1799—1826 / Сост. М. А. Цявловский; Отв. ред. Я. Л. Левкович. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991. С. 665, примеч. 243. Повторено: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. / Сост. М. А. Цявловский, Н. А. Тархова; Отв. ред. Я. Л. Левкович. М., 1999. Т. 1. С. 502—503.

⁹ См.: Кошелев В. А. Пушкин и легенда о Вадиме Новгородском // Литература и история: (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII—XX вв.). СПб., 1997. Вып. 2. С. 100; То же // Кошелев В. А. Пушкин: История и предание: Очерки. СПб., 2000. С. 91.

¹⁰ Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 832: (Из текстологических наблюдений) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 226.

¹¹ Пушкин А. С. Рабочие тетради. СПб.; Лондон, 1995. Т. 1. С. 79.

¹² На обороте первого же корешка (3-а об.) сохранилось полностью и читается отчетливо слово «вольнѣ», а тремя строками ниже, из которых две зачеркнуты, находятся две конечные буквы «нѣ»; от слова, долженствующего, по всей видимости, рифмоваться с первым указанным. От предшествующих этому слогу букв сохранились два штриха, из которых один похож на хвостик буквы «б», а другой представляет остаток промежуточной между «б» и «н». Отсюда неизбежен выход на слово «глубинѣ», а подобная рифма употреблена Пушкиным единственным раз, именно в поэме «Вадим».

¹³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Наука, 2004. Т. 2, кн. 1. С. 289.

нен, будет существовать и вероятность репродуцирования досадной и нелепой ошибки, проскочившей по недосмотру в солидных академических изданиях. Это и побуждает автора данной статьи, доверившегося при первом подходе к теме полнотным описаниям, ввести наконец в научный оборот наблюдения, которые давно в нем должны были находиться, будучи сделаны еще (наверное, с большей проникаемостью и мастерством) С. М. Бонди.

Сохранившаяся на обороте корешка 3-а рифмующаяся пара «волнѣ: <глуби>нѣ» (см. сноску 12) свидетельствует о том, что здесь, приблизительно посредине страницы (по вертикали), были написаны в черновом виде следующие стихи основного текста:

Качаясь лебедь на волне
Заснул, и всё кругом почило;
Но вот по темной глубине
Стремится белое ветрило...

(стихи 5—8)¹⁴

В отличие от основного текста, где стихи, оканчивающиеся на указанные слова, разделены одной строкой (стих 6), в рукописи между этими словами расположен вертикальный ряд из четырех фрагментов и пустое пространство, которое могло бы вмещать одну или две строки, до корешка не дошедшие:

волнѣ
<нечитаемый конечный росчерк>
[дремоту]
[воз<... ?>]
вѣть <?>
< >
<глуби>нѣ;

Работая над стихом, Пушкин часто надписывал одно исправление над другим, образуя таким образом столбик, и это обстоятельство, в совокупности с наличием большого пробела, не позволяет с уверенностью определить количество стихов, заполнявших интервал между «волнѣ» и «<глуби>нѣ»;». Не исключена вероятность того, что их было более одного, т. е. что это место поэмы имело иной вид (особенно в зачеркнутых вариантах), чем в последующем беловом тексте, принятом за основной. В пользу такого предположения говорят: пробовавшиеся здесь слова, вполне подходящие описанию ночи на Волхове и спящего на воде лебеда, но по каким-то соображениям Пушкиным отвергнутые; графическое оформление глагола «вѣть» переправлением букв ранее это место занимавшего слова, имевшего в своем составе букву «б» (остался хвостик) и оканчивавшегося, кажется, на «ѣ», а если это было «глубинѣ», то перенос этого слова ниже, где оно и стоит; наличие после «<глуби>нѣ» точки с запятой, обозначающей окончание периода или паузу между его отрезками (в основном тексте этот знак после «<глуби>нѣ» невозможен).

Верхнее слово в столбике («волнѣ») расположено по вертикали посредине правого края бывшей страницы, и поскольку в основном тексте оно употреблено в пятом стихе поэмы, то начало автографа приходилось, вероятно, на ту же страницу (3-а об.). На лицевой стороне корешка нет не только обрывков слов, но и вообще никаких штрихов, которые свидетельствовали бы о том, что на ней велась работа над стихотворным текстом. Не отвел ли Пушкин ее под титул для начинаемой поэмы, подобно тому как он сделал в той же тетради далее (л. 12), приступая к «Тавриде»?

¹⁴ Цитаты из поэмы приводятся по основному тексту, опубликованному в справочном томе (см. сноску 7). В цитатах воспроизводится орфография и пунктуация этого издания.

Лицевая сторона корешка 3-б содержит только две зачеркнутые буквы «[въ]» (предлог ?) в самом начале строки; с основным текстом их никак соотнести не возможно.

На самом верху оборотной стороны того же корешка (3-б об.) читается «агбны»,¹⁵ а от предшествующей буквы остались лишь верхняя точка и соединительный нижний штрих, что похоже на фрагменты буквы «с». В основном тексте употреблено прилагательное «согбенны», однако находится оно в стихе 50, до которого черновой не мог дойти в начале третьей своей страницы.¹⁶ Кроме того, на корешке слово завершает строку, а в стихе 50 ее открывает. Остается предположить, что или это прилагательное было первоначально употреблено ближе к началу поэмы, или на корешке написано однокоренное слово, и буква, представленная описанными выше элементами, определена неверно. И то и другое вероятно, так как в стихах 14 и 15 основного текста говорится:

Их двое. На весло нагбенный
Один...

Получается, что работа над стихами 8—13 основного текста заняла весь низ л. 3-а об. и полностью лицевую сторону л. 3-б, т. е. страницу с третью. Это говорит или об очень обильной правке, или о существенном отличии текста, созданного в 1822 году, от переданного для публикации «Московскому вестнику» в 1827 году. Список стихов 1—43 в четвертой записной книжке П. А. Вяземского, датированной 1823—1826 годами, второе предположение не подтверждает.¹⁷

На лицевой стороне корешка 3-в с полной определенностью соотносятся с основным текстом «Вадима» начинающий строку предлог «Над»¹⁸ и запись ниже «[вездѣ] хр(...)».¹⁹ Здесь, посредине страницы, шла работа над стихами, которые в основном тексте приобрели вид:

...сосны с шумом
Качают старые главы
Над зыбкой пеленой пучины;
Кругом ни цвета, ни травы,
Песок да мох; скалы, стремнины,
Везде хранят клеймо громов...

(стихи 38—43)

Выше предлога «Над» расположены столбиком:

На (или Но ?)
[И(...)]
[Н]

Это, по всей вероятности, остатки черновых вариантов, соотносящихся со стихами 36 и 38 основного текста:

Громады скал
На берегу стоят угрюмом;

¹⁵ Удвоение «н» обозначено чертой над буквой.

¹⁶ Из предположения С. М. Бонди о том, какая часть текста располагалась на вырванных листах (см. с. 109), следует, что число стихов было около 160, т. е. от 12 до 14 на страницу (о титуле ученый не упомянул, считая, по-видимому, что все 12 страниц были заняты текстом). В справке при публикации основного текста указано, что «тут было около 120 первых стихов» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [Т. 17]: Справочный том. С. 34), т. е. по 10 на страницу.

¹⁷ Разночтения см.: *Нечаева В. С.* Новое о Пушкине: (По материалам записных книжек П. А. Вяземского) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1958. Т. 17. Вып. 5. С. 451—452; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. [Т. 17]: Справочный том. С. 34.

¹⁸ Твердый знак не сохранился.

¹⁹ От «р» сохранилась только палочка.

Об них мятежный бьется вал
И пена плещет...

(стихи 35—38)

Сохранившаяся еще выше, через большой пробел, заглавная «Т», а также подписанное под «[вездѣ]» слово «брегъ», принадлежащие окружающим стихам, не поддаются точной локализации.

Пройдя к этому времени $3\frac{2}{3}$ страницы, Пушкин дошел до 43 стиха.²⁰ Нижняя треть корешка 3-в не имеет никаких следов записей, а верхние $\frac{2}{3}$ его оборота несут концы 10 строк (что, следует напомнить, может не совпадать с числом уместившихся здесь стихов) и два больших пробела. Прочтению и соотнесению с основным текстом поддается лишь один зачеркнутый конечный остаток слова, в котором различимы фрагмент буквы «[у]» и следующие за ней «[бл]». В этой строке, отстоящей от верха страницы на $\frac{1}{3}$ ее длины, находился, по всей видимости, черновой вариант стиха, который в основном тексте читается:

На коем время углубляло...

(стих 51)²¹

Нижнюю треть корешка 3-в об. занимает следующий ряд слов и обрывков:

младость
<...> [хъ-]²²
радость
летъ
<...> лубыя
<...> ыя
<...> лечь

Здесь были стихи, рисовавшие портрет Вадима:

Блится младость
В его лице: как вешний цвет
Прекрасен он; но, мнится, радость
Его не знала с детских лет;
В глазах потупленных кручина;
На нем одежда славянина
И на бедре славянский меч,
Славян вот очи голубые,
Вот их и волосы златые
Волнами падашие до плеч...

(стихи 55—64)

Стихи 59—61 на этой странице отсутствовали, но поскольку слово «плеч» требовало рифмы, можно с большой уверенностью полагать, что в том или ином виде, обязательно со словом «меч», они следовали далее, открывая лист, от которого остался корешок 3-г. Ниже этих гипотетических строк на корешке следуют начальные буквы слов:

[Чи]
Ст(арик ?)
[Об]

²⁰ Это составляет около 12 стихов на страницу. Ср. подсчеты С. М. Бонди в сноске 16.

²¹ Таким образом, работа над 8 стихами (44—51) заняла $\frac{2}{3}$ страницы (нижняя треть 3-в и верхняя 3-в об.), что в пересчете на полную страницу дает опять 12.

²² От надписанной сверху замены сохранился только «ъ», это должно быть слово, оканчивающееся на «тъ».

⟨пробел 3—4 (?) строки⟩
 [Чр]
 ⟨нрзб.⟩

Соответствий в основном тексте этому ряду не находится. В стихе 65 речь идет о старике, «косматым рубищем одетом», а фрагмент «руби», принадлежащий, без сомнения, употребленному здесь существительному, находится ниже указанного последним «⟨нрзб.⟩». Это дает основание предположить, что после черновых вариантов стихов 59—61 начиналось описание старика, которое или было более пространным, чем в основном тексте, где оно свелось к 3 стихам, или не давалось Пушкину, вынудив его перепробовать много вариантов. Продолжение этого описания в автографе и переход к воспоминаниям Вадима сохранились в обрывках:

О ⟨?⟩²³
 О се
 Пожа
 Ст⟨арик⟩
 Но

Принадлежность двух нижних элементов определяется бесспорно, верхнего — предположительно:

Огнем живительным согретый,
 Старик забылся крепким сном.
 Но юноша, на перси руки
 Задумчиво сложив крестом...
 (стихи 66—69)

Строка, начинающаяся союзом «Но», написанным, как и «Ст⟨арик⟩», очень аккуратно, была, кажется, на странице последней. Следовательно, работа над 68 стихами заполнила 6 страниц.²⁴

Корешок 3-г об. имеет следующий вид:

⟨3 нечитаемых конца слов⟩
 [лся]
 [ны]
 ⟨8 нечитаемых концов слов⟩
 [пѣна]
 къ чернымъ
 бури
 хваламъ
 [иноп]
 туплены⟨хъ⟩
 [ров—]
 [ежъ]
 привлекалъ

Первые два читаемых обрывка соответствуют стихам:

По суше, по морю носился,
 Во дни былые, в дни войны...
 (стихи 81—82)

Согласно смоленскому (урусовскому) списку, треть страницы, находящаяся над ними, должна была вмещать 12 стихов (69—81). Этого явно быть не могло: если даже здесь продолжался аккуратно написанный, близкий к беловому текст, на та-

²³ Видимо, это слово надписано: под буквою проходит штрих, который мог быть знаком вставки, а под ним находится буква «п».

²⁴ По этим цифрам получается 11 стихов на страницу.

ком пространстве уложилось бы, как показывает автограф «Песни о вещем Олеге», не более 7 стихов. Между тем как раз пять стихов (71—75) отсутствуют в печатном тексте, опубликованном в «Московском вестнике», и логично предположить, что именно их не существовало на данном этапе работы над поэмой.

Лексика в нижней части корешка отражается в стихах:

И перед ним врагов ряды
 Бежали, как морская пена
 В час бури к черным берегам.
 Внимал он радостным хвалам
 И арфам скальдов иступленных,
 В жилище сильных пировал
 И очи дев иноплеменных
 Красою чуждой привлекал
 (стихи 86—93).²⁵

На корешке 3-д союз «[Где]» находит «привязку» в стихе 97 («Где меч главы героев косит»), а союз «И» внизу страницы — в одном из двух:

И пламя яркое костров,
 И трубный звук, и звук ловитвы
 (стихи 104—105).

Два других сохранившихся фрагмента не идентифицируются.

Стихом 105 кончается «заморская» часть сна Вадима, так что внизу страницы, где корешок 3-д чистый, могли находиться один или оба стиха (106—107), открывающие «новгородское» видение героя. На обороте (3-д об.) читаются концы строк:

[родной ⟨нрзб.⟩]
 свои⟨мь ?⟩
 [родныя]
 [внимая ?]²⁶
 ⟨славянс ?⟩кая
 [дружина]
 [блистаетъ]
 [⟨нрзб.⟩]
 [⟨ ⟩да]
 лѣтъ
 [⟨ ⟩ки]
 ⟨мир ?⟩ѣ нѣт

Лексика этих набросков имеет ряд существенных отличий от основного текста, и тем не менее в них различимы черновые варианты нескольких его стихов:

Пред ним славянская дружина;
 Он узнает ее щиты,
 Он снова простирает руки
 Товарищам минувших лет,
 Забытым в долги дни разлуки,
 Которых уж и в мире нет
 (стихи 108—113).

Не вошедшие в эти стихи слова вполне подходят им тематически, впрочем как и предшествующему переходу к новгородским образам.

²⁵ Стих 93 приходится на самый низ седьмой страницы, что снова дает цифру 12.

²⁶ Слова: свои⟨мь ?⟩ [родныя] [внимая ?] — образуют столбик, но принадлежат, по всей видимости, одной строке.

Далее на корешке один под другим идут концы еще пяти строк:

валовъ
 {< >ровъ]
 [тъ]
 {нечитаемый росчерк)
 овъ

Поскольку в основном тексте речь со стиха 114 начинается собственно о Новгороде, то существительное «валовъ» могло бы относиться к защитным укреплениям города. Однако это слово уже было употреблено ранее в стихах 102—104, над которыми Пушкин работал на предшествующей лицевой странице («Ему не снится шум валов; / Он позабыл морские битвы, / И пламя яркое костров»), так что нельзя исключать вероятности того, что поэт к ним еще раз вернулся на обороте листа. Это предположение находит опору в том обстоятельстве, что под «овъ» располагался какой-то рисунок, который мог служить разделителем, а низ корешка занимают обрывки, корреспондирующие со стихами 114—118:

{нечитаемый фрагмент буквы)
 ъ
 ой
 ой
 дворъ

Основной текст:

Он видит Новгород великой,
 Знакомый терем с давних пор;
 Но тын оброс крапивой дикой,
 Обвиты окна повиликой,
 В траве заглох широкий двор.

Входящее в стих 118 слово «дворъ» — последнее из того, что осталось от черного автографа поэмы «Вадим». Он продолжался на вырванном л. 3-е, где на лицевой стороне были также нарисованы сохранившиеся на корешке несколько профилей (в том числе определяемый как автопортрет²⁷) и на одном из них написана необъяснимая цифра «12».²⁸ Две страницы должны были вместить около 24 стихов,²⁹ т. е. текст доходил, вероятно, до начала сна старика (стих 142: «Во сне он парус развивает»). Кончающийся на стихе 164, этот сон занимал, по-видимому, еще 2 страницы — лицевую и оборотную сторону листа, от которого не осталось даже корешка. Если автограф содержал и стихи 165—197, имеющиеся в смоленском списке (в чем не может быть полной уверенности, коль скоро возможно предположение об отсутствии стихов 71—75 — см. с. 115), то для них требовалось еще 3 страницы или 2 листа. В целом, вырванных без следов между корешком 3-е и л. 4 могло быть 3 листа.

Таково реконструируемое по остаткам черного автографа поэмы «Вадим» страничное распределение его текста, и полученные результаты хорошо согласуются с наблюдениями и выводами, кратко изложенными С. М. Бонди семьдесят лет назад. Это позволяет надеяться, что в обоих случаях они справедливы и что лакуну в пушкинской текстологии можно считать заполненной.

²⁷ См.: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 39. № 16.

²⁸ См.: Пометы в рабочих тетрадях Пушкина, не имеющие толкований // Дубровский А. В. и др. Творческие и биографические пометы в рукописях А. С. Пушкина. СПб., 1997. С. 62 (Сер. «Неизданный Пушкин»: Из подготовительных материалов к новому академическому Полному собранию сочинений А. С. Пушкина. Вып. 2).

²⁹ На 9 страницах (3-а об.—3-д об.) поместилось 118 стихов (или 113, если автограф не сохранил 5, имеющихся в смоленском списке, но отсутствующих в печатном тексте — см. с. 115), что дает 13 и 12 на страницу. Ср. подсчеты в сносках 16, 20, 21, 24, 25).

Русская ЛИТЕРАТУРА

131

2005

Санкт-Петербург
«НАУКА»

